

История твердости/мягкости заднеязычных согласных

Развитие в русском языке мягкости у заднеязычных согласных и формирование у них противопоставления по твердости/мягкости произошло иначе, чем у других согласных. Ряд фонетических изменений, затрагивавших в прошлом заднеязычные согласные, мог проходить именно в результате того, что противопоставление по твердости/мягкости у этой группы согласных еще не сформировалось. Этими изменениями были переход [кь, гь, хь] в [к'и, г'и, х'и] и прогрессивное ассимилятивное смягчение заднеязычных согласных. Об этом же говорит и отсутствие ретрессивного ассимилятивного смягчения заднеязычных согласных перед мягкими заднеязычными. Однако к настоящему времени формирование категории твердости/мягкости у заднеязычных согласных, по-видимому, закончилось, во всех русских говорах, как и в русском литературном языке, а в части говоров возникло еще до падения редуцированных гласных. Доказательства этого следующие.

1. Переход [кь, гь, хь] в [к'и, г'и, х'и] в русском языке

1. По вопросу об изменении [кь, гь, хь] в [к'и, г'и, х'и] высказывались разные точки зрения. А. А. Шахматов выдвинул предположение, что причиной этого перехода было «изменение в самой природе звука *ь*»: звук [ь] из ряда заднесреднего перешел в средний ряд, и в связи с этим изменились предшествующие ему заднеязычные; но язык не имел средненебных согласных в несмягченном виде, это привело к переходу их в средненебные смягченные, а это в свою очередь «ваквало за собой

изменение самого *ь* в гласную переднего ряда *и*» [Шахматов 1909—1910, с. 132—134, 175]. Позднее А. А. Шахматов писал, что переход [кь, гь, хь] в [к'и, г'и, х'и] был вызван, по-видимому, изменением в природе заднеязычных согласных, а именно потерей ими лабиовelarного характера. Потери ими этого свойства вела к уподоблению их следующему гласному переднего ряда [ь] [Шахматов 1915а, с. 34—35, 312].

Однако предполагать, что переход [ь] из заднесреднего ряда в средний должен был повлечь за собой смягчение заднеязычных согласных, нет оснований. Так, например, в украинском языке на месте прежнего [ь] произносится звук [и], который фонетистами определяется как звук переднего ряда [см. Сучасна українська мова 1969, с. 64, 243]. Но даже и перед таким [и] произносятся твердые заднеязычные согласные: *кяву, тахид, гямути, жабель, хьба, сьхий* и т. п. [с. 256—257].

Свое место этой гипотезы также в том, что предполагается невозможность сохранения неабилитизованных заднеязычных перед гласным среднего ряда [ь]. Однако ни с точки зрения физиологии, ни с точки зрения фонологии в этом нет ничего невозможного. Кроме того, несомненно, чем могла быть вызвана утрата заднеязычных лабиализации перед [ь] при сохранении ее в других позициях, что обнаруживается инструментальными методами исследования в современном русском языке [см. Скалозуб 1963, с. 53].

Р. О. Якобсон и Р. И. Аванесов связывают переход [кь, гь, хь] в [к'и, г'и, х'и] с падением редуцированных гласных. По мнению Р. О. Якобсона, падение редуцированных привело к тому, что в русском языке произошло поставление передних/непередних гласных потерью фонологической значимости. В связи с этим появилась тенденция к унификации гласных фонем. Эта тенденция могла привести к сближению переднего и заднего вариантов фонем, реализовалась она в большинстве случаев в виде обобщения основного варианта фонемы в позиции после внепарного согласного, в частности в переходе [кь, гь, хь] в [к'и, г'и, х'и] [Якобсон 1929, с. 61—62]. Изменение [кь, гь, хь] в [к'и, г'и, х'и] действительно следует рассматривать как замену одного варианта гласной фонемы другим ее вариантом. Однако нельзя эту замену объяснить существованием универсальной языковой закономерности унификации фонем, проявляющейся в данном случае в замене несобственного варианта фонемы ее основным вариантом. Такой закономерности, по всей видимости, нет. Ей противоречат многочисленные факты длительного существования в языках разных вариантов одной и той же фонемы. Бо-

нее того, наличие разных вариантов одной и той же фонемы само пред- ставляет универсальную языковую закономерность.

Р. И. Аванесов допускает возможность того, что истоки процесса пе- рехода [кы, гы, хы] в [к'и, г'и, х'и] связаны с десабилизацией [к, г, х], происходявшей наряду с десабилизацией и других согласных: [г, д, с, з] и др. Однако он считает, что десабилизация [к, г, х] представляла собой только «физиологическую тенденцию» для перехода [кы, гы, хы] в [к'и, г'и, х'и]. Осуществиться она смогла потому, что после падения редуци- рованных «зона [кy] — [k'i], [gy] — [g'i], [chy] — [ch'i] была несравнен- ной, взаимно нейтральной», и «для изменения [кy], [gy], [chy] в [к'и], [г'и], [ch'i] не было препятствий в системе языка, в то время как сочетание [y] и др. не могли измениться в [t'i] и др. — этому препятствовало нали- чие особой, используемой в языке зоны [t'i] и др.» [Аванесов 1947, с. 256—257]. Однако и здесь остается несным, почему после десабили- зации согласных не могли сохраниться сочетания [кы, гы, хы].

2. Изменение [кы, гы, хы] в [к'и, г'и, х'и] может быть объяснено как результат устранения некоторых противоречий, возникших в про- цессе изменения фонологической системы в связи с формированием у согласных фонем дифференциального признака «твердость/мягкость».

В истории значительной части говоров русского языка можно выде- лить три последовательных этапа, характеризовавшихся разными соче- таниями заднеязычных звуков со звуками [и, ы]. На первом этапе суще- ствовали сочетания [кы, гы, хы], не было сочетаний [к'и, г'и, х'и] и зву- ки [к', г', х'] отсутствовали. На следующем этапе продолжали существо- вать сочетания [кы, гы, хы]. Однако уже стали возможны и сочетания [к'и, г'и, х'и], наряду с [к', г', х'] перед другими гласными переднего ря- да. Такие сочетания представляемы в древнерусских памятниках в зани- женных словах (например, *хитъ, свистъ, хитомъ, кедръ, евангелие, хѣфо- вымъ* и т. п.), а также в тех случаях, когда [к', г', х'] могли появляться на месте [ц', з', с'] в результате выравнивания основы (например, *жель- скъ, хрѣстѣжскѣ, разѣдъ, пашѣ* и т. п. [примеры см., в частности, Шах- матов 1915а, с. 176—177]. На третьем этапе в результате изменения [кы, гы, хы] в [к'и, г'и, х'и] становятся возможными только сочетания [к'и, г'и, х'и].

Рубеж между вторым и третьим этапами совпадает с коренной пере- стройкой фонологической системы русского языка, связанной с падени- ем редуцированных гласных. В это время формируется противопоста-

ление «мягких» и «твердых» согласных фонем, а признак ряда («перед- ний»/«задний») перестает быть дифференциальным признаком гласных фонем, превращаясь в обусловленный предшествующей со- гласной фонемой признак гласных звуков [Якобсон 1929; Аванесов 1947; Дант 1956].

На всех этих трех этапах⁴² звуки [к, г, х] и [к', г', х'] были позицион- но обусловлены и воплощали фонемы [к, г, х], не обладавшие диффе- ренциальным признаком «твердость/мягкость» (или воплощали соот- ветствующие члены слабеемы, по Р. И. Аванесову, или группо-фоне- мы, по В. К. Журавлеву). Иное положение было со звуками [и, ы]. Если раньше звуки [и, ы] воплощали разные фонемы (и, ы) то на рубеже вто- рого и третьего этапов эти фонемы совпали в одной, а звуки [и, ы] ста- ли воплощать одну фонему и разница между ними стала позиционно обусловленной.

В фонетическом смысле эта обусловленность заключается в том, что [ы] возможен только после твердых согласных звуков, а [и] возможен только в начале слова и после мягких согласных звуков. С этой точки зрения сочетания [кы, гы, хы] были закономерны на всех этапах так же, как [бы, пы, ты, ды] и т. п. и [б'и, п'и, т'и, д'и, ш'и, ж'и] и [к'и, г'и, х'и] и т. п.

Однако позиция, в которой производился выбор между [и] и [ы], по- лучает фонологический смысл, который является определяющим в этом выборе. В фонологическом смысле важным оказывается не то, по- сле какого согласного звука, твердого или мягкого, выступает [ы] или [и], а то, после какой согласной фонемы выступает [ы] или [и] — по- сле «твердой» или после «мягкой». После «твердых» фонем выступает [ы], а после «мягких» фонем — [и]. Кроме того, существует еще положе- ние начала слова и положение после согласных фонем, не обладающих дифференциальным признаком «твердость/мягкость»: {ш, ж, ч, ц, д, џ} и {к, г, х}. Оба эти положения представляют собой одну и ту же по- зицию, так как в указанном фонологическом смысле они единны: и в том, и в другом случае перед фонемой (и) стоит единица, не обладаю- щая дифференциальным признаком «твердость/мягкость». Таким об- разом, на третьем этапе выделяются три позиции, в которых могла

⁴² Мы не касаемся здесь следующего этапа, когда в русских говорах и в литера- турном языке возникает противопоставление «твердых»/«мягких» заднеязычных фонем [Касаткина 1968, с. 62—66; 1996, с. 123—124].

быть фонема (и): 1) после «твердой» согласной фонемы, 2) после «мягкой» согласной фонемы и 3) после единицы, не обладавшей указанным признаком.

Формирование фонологической закономерности, по которой выбор [и] или [ы] определялся положением фонемы (и) в одной из указанных трех позиций, опиралось на уже существовавшие в языке отношения между твердыми и мягкими согласными звуками и звуками [и, ы]. Однако формирование этой закономерности ставилась со следующими противоречиями. В третьей позиции, единной в фонологическом смысле, фонема (и) получала не единственное выражение. В большинстве случаев фонема (и) воплощалась в этой позиции в звуке [и], и только после фонем (к, г, х) она могла воплощаться в звуке [ы]. Это «столкновение» фонологии и фонетики разрешилось в пользу фонологии: в третьей позиции фонема (и) стала воплощаться в одном звуке: этим звуком стала [и], так как в большинстве случаев в этой позиции именно он воплощал фонему (и). Поэтому после фонем (к, г, х) фонема (и) стала воплощаться в звуке [и], а звуки [к, г, х] заменились звуками [к', г', х'], так как перед звуком [и] могли быть только мягкие согласные звуки [см. также: Паулина 1963, § 23].

3. Рассмотренное изменение было характерно для многих русских говоров. Однако ряд севернорусских говоров этим изменением как процессом фонетическим, по-видимому, затронут не был.

В материалах Атласа русских говоров центральных областей к северу от Москвы отмечены примеры произношения [кы, гы, хы] в различных населенных пунктах на территории северного наречия: 1 *сухийе, фружак*; 77 *мояба и*; 93 *помага*; 118 *кыб'ит'ен'к'и*; 178 *д'бров'кы*; 179 *шашкы*; 183 *р'иккы*; 185 *на ф'аккы, ф'уккы, с'анкышкы*; 238, 241 *кыска*; 358 *ф'ед'кыи*; 361 *н'ивеккы, друзи*; 529 *на ф'аккы, на нагкы*; 557 *на нагкы*; 565 *н'а на-гкы*; 629 *кыи'амб*; 634 *фружак*; 665 *н'е за кыи*; 685 *из кыи'ач'ен'и'и*; 753 *м'др-кы, кыска*; 786 *кысон'к'и*; 788 *кысла*; 809 *д'бугкы*; 853, 897 *кыска*; 925 *кыф'ф'и*; 948 *кыри'и*; 987 *кыска*; 1223 *кык'и'м'т'р'ф'ф'*, *кык'и'м'т'р'*; 1408 *кыска* [см. Атлас С. карта 98 «Звуки на месте мягких к, г, х», автор А. Д. Касаткин]. В свободском и кожуховском говоре я отметил слова *кыц'и'а*, *моякыа*, *н'а-шкыи*. В разных местах Архангельской области, по данным О. Г. Гецовой, до сих пор говорят *кыч'и'а*, *кысл'а*, *кыио*, *кыда*, *шкы'р'ка*, *шкы'р'ф'ид'и'а*, *кыкы'и'я*, *дружкы'а*, *кы'р'я*, из *Рыса*, *музкы'р'в*, *музкы'р'ф'ей*, *кы'а'г'кы'а*, *кы'и'н'ут'а*, *кы'р'ф'ид'и'а*, *кы'и'б'а'т'и'а* и др. [Пецова 1979, с. 183—184].

Сохранение [кы, гы, хы] в севернорусских говорах может объясняться разными причинами, заключающимися в особенностях фонологических систем этих говоров. Так, в свободском, кожуховском и других новгородских говорах фонемы (и) и (ы) не сложили в одной фонеме, звуки [и] и [ы] продолжают выступать как представители разных фонем. Перед [и] сохраняется мало покомбобенное произношение твердых [к, г, х]. Следовательно, в этих говорах не было причин для перехода [кы, гы, хы] в [к'и, г'и, х'и].

В архангельских говорах, как, возможно, и во всех остальных говорах, развившихся из древнего новгородского диалекта, была другая причина для сохранения [кы, гы, хы]. Здесь рано возникло противопоставление твердых и мягких заднеязычных согласных. Об этом могут говорить написания причастий *ф'р'к'а*, *появ'р'г'а*, *св'ер'г'а* и т. п. в новгородских памятниках XIV в. [см. Шахматов 1909—1910, с. 553].

Об этом же говорит и форма повелительного наклонения от глагола *л'е'ч'—л'е[к']*, отмеченная П. С. Кузнецовым в архангельских говорах Верхней Пинеги и Верхней Тоймы [Кузнецов 1949, с. 36] и О. Г. Гецовой в ряде других архангельских говоров (по ее устному сообщению), а также пример *п'оп'ф'р'к'* (поперек), записанный мною в трех говорах Дежунского района Архангельской области.

Раннее возникновение противопоставления заднеязычных согласных по твердости/мягкости в русских говорах северо-запада было связано, по-видимому, с другой особенностью заднеязычных на этой территории — отсутствием у них второй палатализации. Смещение заднеязычных перед *й* и дифтонгического происхождения не приводило здесь к совпадению заднеязычных со свистящими [см. Глушкина 1968, Замзаник 1984, с. 77—95; 1995, с. 37].

Звуки [к', г', х'] возникли здесь гораздо раньше, чем в говорах других русских областей, еще до падения редуцированных гласных (ь, ы). Поэтому и противопоставление (к, г, х) и (к', г', х') могло сложиться здесь тогда же, когда возникло противопоставление по твердости/мягкости у переднеязычных согласных. Следовательно, и здесь не было причин для перехода [кы, гы, хы] в [к'и, г'и, х'и].

Чем же объяснить, что все-таки в большинстве случаев мы находим в свободском и кожуховском говорах [ки, ги, хи], в архангельских говорах [к'и, г'и, х'и], а примеры с [кы, гы, хы] единичны? По-видимому, это объясняется индифферентным воздействием [кы, гы, хы] на [ки, ги, хи] и [к'и, г'и, х'и] произошла здесь под влиянием дигитатурного языка и говоров, знающих произношение [к'и, г'и, х'и].